

Натиг Расулзаде

Мы всем здесь надоели

Натиг Расулзаде

Мы всем здесь надоели

«PEN-клуб»

2016

Расулзаде Н.

Мы всем здесь надоели / Н. Расулзаде — «PEN-клуб», 2016

У старой женщины-математички обнаруживаются психические отклонения, врачи определяют шизофрению, вследствие чего дочь и зять помещают её в психиатрическую лечебницу. В США живет её старший сын, талантливый бизнесмен, но судьба его была нелегкой, он вследствие нелепой случайности попадает в тюрьму, потом выйдя через несколько лет, постепенно становится на ноги, раскручивает заново бизнес, но опять же с приходом нового президента США у него появляются проблемы, и он теперь вынужден сворачивать в Америке свои дела и возвращаться на родину, в Баку. Приехав, он первым делом забирает мать из больницы, устраивает в своей новой квартире, нанимает для неё сиделку, внедряется в строительный бизнес города, начинает хорошо зарабатывать и помогает семье сестры, нуждающейся в его помощи. Мать некоторое время живет у сына, но болезнь её обостряется, странное поведение её лишает сына покоя и комфорта, которыми он намеревался окружить себя, возвращаясь на родину, у него слишком напряженная работа, бизнес требует постоянного его внимания, высасывает все силы. ему необходим ночной отдых. С психически ненормальной матерью в одной квартире это становится невозможным. Он, посоветовавшись с сестрой, решает вернуть старуху мать обратно в лечебницу, где она и умирает через несколько месяцев. Он испытывает поначалу угрызения совести, но они вскоре заслоняются ежедневно возникающим делам и проблемам, и он вскоре забывает мать.

© Расулзаде Н., 2016

© PEN-клуб, 2016

Натиг Расулзаде

Мы всем здесь надоели

Новость облетела дом в одно мгновение, как пожар – к старухе Нушабе приехал сын, и ни откуда-нибудь, а из самой Америки, и теперь, поговаривают, заберет её к себе и Нушаба уже не будет жить в психушке, а будет жить у сына, в его большой квартире, здесь в своем родном городе, потому что сын её вернулся навсегда. Обитатели дома были потрясены этой новостью, еще и потому, что отсюда редко кого родные надолго забирали домой; они, больные, ограничивали свободу, притесняли родных, многие не имели возможности присматривать за ними, потому что контингент пациентов дома составляли в подавляющем большинстве люди бедные, неимущие, зачем богатым сходить с ума, с какой стати? Товарки, долгие годы сложно дружившие с Нушабой, прослышав о потрясающей новости, окружили её, чтобы узнать побольше, позавидовать от всего сердца и от всего сердца порадоваться за неё, но вид у старухи был не очень-то радостный.

– Все-таки, я уже почти девять лет провела с вами, конечно, здесь не курорт, но как же теперь в один день мне в мои годы поменять... поменять...

Она хотела сказать – «жизнь», но отвыкла от этого слова, как отвыкла от многих громких слов за все эти годы, что провела в лечебнице, где её и других пациентов лечили от неизлечимой болезни.

– Куда я от вас денусь? Привыкла...

– От такого места отвыкать не трудно будет... – возражали ей товарки, те из них, на которых временно сошло просветление и они могли нормально общаться. – Разве тебе нравится тут, что здесь может нравиться, живем, как скоты?..

Нушаба в свои восемьдесят четыре года, пожалуй, была самой старой пациенткой в женском отделении больницы для душевнобольных, но были тут еще несколько старух близкие ей по возрасту, по кругу интересов, по часто нападавшей на них безудержной разговорчивости... Порой они собирались вместе и болтали до изнеможения, перебивая друг друга, не слушая друг друга, так что остальные больные женщины или медсестры делали им замечания, утихомиривая их. Тогда они замолкали, привыкшие к дисциплине в доме и боясь болезненных уколов, которыми не столько лечили, сколько наказывали больных. Время от времени, когда врачи считали, что в болезни того или другого пациента наступило улучшение, вызывали родственников и родные забирали своих больных домой, но проходило время и у них, обычно, наступал кризис, вновь появлялись странности, несовместимые с жизнью в нормальных условиях среди родных психически здоровых. И вновь больных привозили в лечебницу, куда они возвращались как к себе домой, без особой радости, разумеется, но возвращались на свое место, обжитое среди себе подобных. Нушабу тоже несколько раз забирала дочь, когда ей становилось лучше и она не удивляла окружающих странными разговорами и непонятными поступками, но в тесной квартире зятя и дочери с взрослым сыном, старуха была явно обузой, и тесть, порой, придя домой пьяным, пенял ей за то, что она зажила на этом свете, потом уже откровенно стал попрекать куском. Дочь была обычно на стороне мужа.

– Сын бы твой помог! – в сердцах ворчала дочь. – Там, в Америке, верно как сыр в масле катается, забыл о больной матери, забросил нам на шею, даже не поинтересуется...

Было неприятно все эти упреки выслушивать, особенно когда Нушаба чувствовала себя вполне нормальной и жила реальной своей жизнью временно психически здорового человека, но молчала, опустив голову, будто была в самом деле виновата, что так долго живет, не возражала, знала – начни возражать и вспыхнет скандал, а скандалов она боялась пуще огня, пуще пожара в сумасшедшем доме, потому что не раз была свидетелем того, как скандалили зять

с дочерью по разным пустякам, по раздражающим мелочам, по укорачивающим жизнь нерво-трепкам, по всему тому, на что богата жизнь бедных людей городской окраины.

Не слишком много потребовалось времени поначалу, чтобы она привыкла к жизни в лечебнице, её окружали такие же несчастные больные люди, как она, они быстро сошлись, но в отличие от многих пациентов дома, любивших жаловаться и плакаться друг другу на своих родных, не навещавших их тут, Нушаба никогда не выставляла дочь в неприглядном свете, никогда не стремилась, чтобы товарки её здесь возненавидели её родных, не жаловалась ни на дочь, изредка навещавшую её в больнице, ни на сына, казалось напрочь забывшего её уже почти десять лет. Старые люди в этом доме чем-то напоминали детей, часто меняли друзей, с которыми любили посплетничать, поделиться сокровенным, своими тайнами и фантазиями, забыв старых, заводили новых, сходились, ревновали, обижались за прерванную дружбу, сходились и расходились подобно школьникам в младших классах.

Однажды утром сын приехал за ней. Она его еле узнала, к тому же у Нушабы начинался кризисный период болезни, и врач в доме, предварительно побеседовав с сыном старухи, предупредил его об этом и посоветовал повременить и пока не забирать её из больницы. Но сын, Эмин настоял на своем.

– Я уже сиделку нанял, – сказал он врачу. – Не думаю, что ей будет у меня хуже, чем здесь.

Высказано было предельно откровенно, как привык Эмин разговаривать за долгие годы жизни в Америке. Врач вызвал Нушабу к себе в кабинет, где она встретила сына.

– А, ты тоже пришел? – встретила сына Нушаба довольно прохладно непонятной фразой. – Жарко на улице? А собак все еще выгуливают?

Эмин хотел что-то сказать, поднялся с кресла в котором сидел, но врач сделал ему знак, и обратился к старухе:

– Нушаба, кто это? Узнаете?

– Конечно, – пренебрежительно хмыкнула старуха в адрес врача, задающего глупые вопросы. – Это мой покойный муж, Алекпер, кто же еще?..

Врач многозначительно посмотрел на Эмина.

– Ничего, – успокоил его Эмин. – Я все равно должен забрать её.

Врач не стал возражать, ведь с уходом каждого больного освобождалось место в больнице.

– Как знаете, – сказал он.

– Мама, я – Эмин, твой сын, меня долго не было здесь, теперь я приехал и мы будем жить вместе. Я Эмин, мама.

– А, – простодушно отозвалась Нушаба, погасшим взглядом уставившись на сына. – Конечно... А я думаю, как это Алекпер, он же умер давно?

– Это у неё возрастное, склероз, – сказал врач. – К её болезни отношения не имеет.

Эмин забрал мать к себе и поручил её заботам сиделки, он нанял даже двух сиделок, одну ночную. Квартира была большая, в престижной новостройке. Нушаба обеих сиделок принимала за свою дочь, ни та, ни другая не возражали.

На следующее утро, во время завтрака Эмин стал рассказывать матери о своей жизни в Америке. Она слушала внимательно, казалось, теперь это был совершенно другой человек, чем вчера.

– Я жил в Америке, в городе Балтиморе. Я чувствовал в себе силы и способности, чтобы по-настоящему раскрутиться, хотел разбогатеть и взять тебя к себе туда, в Америку. Это страна огромных возможностей. Но мне сразу не повезло. Я нашел работу в типографии, как раз в то время, когда хозяева издательств и типографий стали ущемлять права работников. Типографские работники вышли на демонстрацию протеста против увольнений и урезаний зарплат. Толпа была человек в триста с плакатами, с речами профсоюзных активистов, все честь честью, все проходило спокойно, полиция наблюдала, но потом вдруг какие-то молодчики-провока-

торы учинили драку, беспорядки, началась потасовка, полиция с дубинками, я оттолкнул полицейского, он упал, ударился головой о тротуар, потерял сознание, несколько суток пробыл в коме, но потом, слава богу, выкарабкался. Меня посадили. Дали адвоката, он старался доказать, что это не нападение на полицейского, случайность...

Старуха сочувственно качала головой, слушая рассказ сына. Вдруг протянула руку, неуверенно, несмело погладила его по голове, почти такой же седой, как её голова.

– Мой сынок... – сказала она.

Эмин вздрогнул отвыкший от материнской ласки, он взял её руку, хотел поднести к губам, но заранее почувствовав в этом жесте что-то фальшивое, стал долго смотреть на маленькую, сморщенную руку матери в своей ладони, что-то стремясь узнать о ней по руке, сам не понимая, что именно, позабыв, что подобное узнавание может произойти только сердцем, а не умом, не головой. Он рассказывал ей о годах, проведенных вдали от неё, и это было что-то вроде короткого отчета, и ему было приятно, что она так внимательно слушает его, не перебивая, и во взгляде матери он видел сочувствие всему, что с ним произошло.

– Вот, мама, такие дела... – подытожил Эмин свой короткий рассказ. – Уехал, мне было под сорок... Семью не создал. И теперь я один через столько лет, только ты у меня...

– У тебя есть сестра, – напомнила старуха и, немного помолчав, просительно добавила. – Не держи на неё зла...

Она говорила сейчас как вполне нормальный человек, и это радовало Эмина, и он с удовольствием с ней разговаривал.

– Что ты, мама, – сказал он. – Я понимаю. У них самих тяжелое положение. Муж её без работы. Я им помогу.

– Плохо тебе там было? – вздохнула мать.

– В тюрьме – конечно... Как бы адвокат ни старался, отсидеть все-таки мне пришлось. Потом, после тюрьмы мне помог один человек, я многим ему обязан, и меня после отсидки не отослали, не депортировали. Я стал работать с ним, с моим боссом. Потом открыл свой бизнес, быстро стал на ноги, у меня все получалось. Правда, с непредвиденным опозданием, но что поделаешь, это судьба... Стал прилично зарабатывать, платил налоги. Одним словом – раскрутился. Теперь я нашел здесь в своем городе компаньонов и переносу бизнес сюда, буду жить здесь, мама, с тобой, я позабочусь о тебе, ты теперь ни в чем не будешь нуждаться. – Эмин рассказывал матери историю своей жизни вдали от дома очень кратко, не вдаваясь в подробности, которые ей были бы неинтересны, он рассказывал просто потому, что считал своим долгом донести до неё тот период жизни, о котором она не знала, и в то же время будто подводил итоги всего, что случилось до сих пор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.